

мы стоять при чтеніи IV тома и которая, «обезстрашивая»; если можно такъ выразиться—всѣ его парадоксы; заставляетъ смотрѣть на нихъ исключительно съ точки зрѣнія пройденныхъ самимъ авторомъ фазисовъ собственно духовнаго роста. Въ самомъ дѣлѣ, нуженъ былъ глубокій разладъ между надломленнымъ рефлексіей чувствомъ и мыслью, нужна была отчаянная и упорная борьба за пріобрѣтеніе себѣ самому гармоніи духа, чтобы такъ исключительно смѣло и все въ одномъ направленіи идеализировать *все* на одной сторонѣ и отрицать *все* на другой: идеализировать тамъ именно, гдѣ онъ усмотрѣлъ недостающую въ самомъ себѣ гармонію и отрицать тамъ, гдѣ эта гармонія его испытала нарушеніе. Кромѣ того, нужно было все еще продолжать быть увѣреннымъ въ непогрѣшимость своего непосредственнаго чувства, которое, на самомъ дѣлѣ, давнымъ давно перестало быть непосредственнымъ, чтобы такъ упорно, такъ упрямо отстаивать «безусловную» идеальность того, что, на самомъ дѣлѣ, идеально лишь очень условно, а именно поскольку, какъ мы уже говорили, служить показателемъ того, что, въ процессѣ нашего духовнаго развитія, нами должно быть еще завоевано! Неужели же правда, что *односторонность глубины*, достигнутая въ упоминаемыхъ гр. Толстымъ произведеніяхъ Пушкина, Глинки, Бетховена, Гёте и др., что эта односторонность, «уродливость» исключила и должна навсегда исключить у ихъ авторовъ всякую дальнѣйшую возможность гармоническаго развитія въ ихъ сферѣ? Иначе сказать: послѣднимъ фазисомъ въ развитіи ихъ творчества не была ли, развѣ, та же сознательная простота и чувство мѣры, которыя поразили гр. Толстого въ Оедкѣ, крестьянскомъ мальчикѣ, проявившемъ будто бы такую сознательную (?) силу художника, какой, навсѣй своей необъятной высотѣ развитія, не можетъ проявить Гёте? *)

*) Г. Михайловскій (Критич. опыты, 1887. «Десница и шуйца гр. Л. Толстого») такъ пытается объяснить парадоксы гр. Толстого, увлекшагося